

правнучатые братья) подал царю челобитную о плохом поведении племянника их князя Ф.И. Пожарского в Можайске, пролившего и размотавшего все поместье. Они писали, между прочим, в челобитной: «Вели, государь, его из Можайска взять и послать под начало в монастырь, чтобы нам от его воровства впредь от тебя в опале не быть». В 1637 г. князь Пожарский сделал значительный вклад в Суздальский Спасо – Евфимьев монастырь, пожаловав ему свою купленную вотчину в Тверском уезде, в Шеском и в Кушалинском станах, село Кушалино со всеми угодьями. Князь Лопата – Пожарский местничался с князем М.В. Прозоровским и с князьями Ромодановскими.

Примечание:

1. Русский биографический словарь (Плавильщик – Примо) издан под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А.А. Половцова г. Санкт – Петербург. Типография И.Н. Скороходова, 1905г. Репринтное воспроизведение, Аспект Пресс, М., 1999 г.
  2. Березов П. Минин и Пожарский. Московский рабочий, 1957 г.
  3. Верхотурские воеводы. Верхотурская старина, 1998 г.
  4. Корчагин П.А. История Верхотурья (1538 -1926). Издательство Банк культурной информации, Екатеринбург, 2001 г.
- Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках сов

А.М. Олешкова
Нижний Тагил

СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.: ПРИЧИНЫ ВСТУПЛЕНИЯ В ОБЩИНЫ

Несмотря на актуальность исследования различных аспектов института благотворительности, история организации и деятельности российских общин сестер милосердия остается малоизученной областью исторического знания, как на общероссийском, так и региональном уровнях. Из дореволюционных работ можно отметить исследование П. А. Илинского, в котором подробно классифицируются общины. Среди современных исследований особенно важны обобщающие работы А.В. Постернака и Л.А. Карпычевой, обращение к истории московских общин Козловцевой Е. Н. [1].

Самое наименование «сестра милосердия» отсылает нас к дискуссии о монашеском характере российских общин сестер милосердия, ярко выраженном их религиозном духе и других аспектах института сестричества [2]. Первые российские общины сестер милосердия использовали торжественные обряды посвящения сердобольных вдов [3], «Обещаю... что, доколе сил моих достанет, употреблять буду все попечения и труды на богоугодное служение болящим» [4]. Сравнивая такую «бессрочность» обещания с пожизненными монашескими обетами, вполне справедливо считать первое «гражданской служебной присягой» [5]. Однако общины, возникающие при Российском обществе Красного Креста (РОКК), уже не давали вообще никаких торжественных обещаний.

В Пермской губернии было 4 отделения: Пермское и Кунгурское местное управление Красного Креста, Екатеринбургский и Нижнетагильский местные комитеты. При комитетах действовали общины сестер милосердия, наиболее известными из которых были Надеждинская и Екатеринбургская [6].

Сестра милосердия должны были отличаться «набожностью, милосердием, целомудрием, опрятностью, скромностью, добротой, терпением и безусловным повиновением постановлениям» [7] Однако речь

совершенно не шла об аскетической православной духовности. И такое «милосердие» подразумевало гуманное, сочувственное отношение в противовес небрежению, ограничение себя и жертвенности ради другого, но вовсе не источник божественной благодати. Такие милосердные качества существуют вне религии и могут быть присущи как православному, католику, лютеранину, так и атеисту.

Нормативные документы российских сестер обозначили лишь внешние благотворительные цели. В то время как требования к сестрам и диакониссам католиков и протестантов основывались на особенностях их вероучения. Правила для первых российских сестер милосердия предполагали предписания нравственно-гуманного характера. Так, важным пунктом Устава была моральная подготовленность испытуемых к последующему служению: «Сестры милосердия общины... налагают на себя нравственную обязанность служить неуклонно, по мере сил, избранной ими трудной задаче ухода за больными, выполняя свое дело с любовью и кротостью, и не брезгая неразрывно связанной с этим делом черной работой» [8].

Во всех общинах сестер милосердия РОКК священник входил в состав Попечительного совета общины наравне с главным врачом, сестрой-настоятельницей, казначеем и уполномоченным от РОКК и был лицом выборным. Устав общины Красного Креста, утвержденный в 1903 г., предполагал, что сестрой милосердия могло стать лицо любого христианского исповедания. Так, Надеждинская община управлялась особым Попечительством. Попечительский совет состоял из 9 чел. В Совет избирались на два года [9]. Ни о каких церковных присягах и обетах в документах не говорилось.

Условия приема в общины были обозначены в § 35 Нормального Устава, который гласил: «В общину принимаются девицы и вдовы всех сословий, от 18 до 40 лет, христианского вероисповедания, вполне здоровые и грамотные. Преимущественное право на поступление в общину имеют лица, наиболее развитые в умственном и нравственном отношении [10]. После зачисления сестры проходили обучение под руководством врачей в Александровской больнице губернского земства на теоретических и практических курсах, по программе, утвержденной Главным Управлением 19 февраля 1882 г. После этого сестра получала Свидетельство, в котором было указано, что «... она по надлежащим приготовлениям и испытании признана достойною звания сестры милосердия...» [11].

Интересно, что в некоторых случаях в формулярных списках сестер было отмечено, что они закончили прогимназию, однако имелся факт утраты свидетельства об обучении, что, на наш взгляд, может вызывать сомнения в полученном образовании [12]. Образовательный ценз как критерий зачисления в сестры милосердия не всегда играл определяющую роль, и женщины обретали статус сестры, не удовлетворяя все критерии Устава.

Конечно, труд сестер был достаточно сложным: работа в родильном покое при обшине, холерные, тифозные, сыпно-тифозные бараки. Часто случалось так, что сестры не использовали положенный им отпуск, а труд большей части жизни не венчался ни одним знаком отличия. Неудивительно, что некоторые сестры пребывали в своем статусе очень недолгое время, это объяснялось как личными причинами, так и, в целом, тяжелым в моральном и физическом отношении трудом.

Случалось так, что замужество, «домашние обстоятельства» моментально прекращали работу сестры, хотя, судя по послужным спискам

и словесным желаниям, планы были серьезны и основательны. Многие сестры Пермской губернии имели меньше года службы [13]. Уже этот факт заставляет обратить нас внимание на возможные мотивы вступления в общину и обстоятельства, которые этому сопутствовали. Например, желание «поступить сестрой милосердия куда-либо в пределах Пермской губернии» и подробные описания личной жизни в формулярных списках говорит о том, как спонтанные факты биографии влияют на, казалось бы, серьезное желание служить. Было бы неверно связывать причины, по которым женщины шли служить сестрами милосердия, исключительно с их нравственным порывами: мотивация женщин была различна. Распространенным комментарием к желанию вступить в общину было материальное затруднение.

Показательна ситуация с командированием сестер на борьбу с азиатской чумой. Главное управление РОКК сделало запрос в Пермское местное управление о числе сестер, которых можно направить в зоны эпидемии. Но даже при повторном запросе Пермское управление не спешило отвечать, поскольку большого числа желающих не набиралось. Так, при наличии заявления о согласии быть командированной в случае надобности для ухода за больными чумою имеется 3 свидетельства со стороны полицмейстеров о неудачных розысках сестер, которых можно было бы командировать, и 4 прямых отказа от участия в помощи заразившимся и вообще от звания сестры милосердия [14].

Параллельно с юридическим и административным оформлением статуса сестер милосердия, происходит общий упадок общин, как в профессиональном, так и в нравственном отношении. Одновременное существование «Правил о сестрах Красного Креста» и правил, составленных для желающих вступить в сестры Красного Креста только на период войны, закрепляло статус т.н. «волонтерок», желающих временно поработать сестрами милосердия. Такие женщины проходили краткосрочные курсы подготовки, обретая весьма невысокую квалификацию, и главным движущим фактором было получение материальной прибыли.

В мирное время стать сестрой можно было только через общину, поэтому в женские организации нередко вступали женщины, заведомо не согласные с уставными условиями работы и, по сути, готовые легко их нарушить. В период войны сестрам полагалось определенное содержание, часто зависящее от материального положения их общин. Интересно, что Главное управление, в ответ на отчет местного управления за 1902 г. отмечает, что слово «жалование» целесообразнее было бы заменить фразой «карманные деньги сестрам на мелочные расходы» в соответствии с 44 параграфом Нормального Устава: «служение сестры безвозмездно, бескорыстно является первым условием ее христианского служения». Согласно пар. 46, сестрам можно выдавать деньги на мелочные расходы (от 3 до 5 руб. в месяц) [15].

Н.И. Пирогов, размышляя о судьбах сестринских общин и о предназначении сестры милосердия, писал: «Я думаю, что наши учреждения сестер не должны ничего заимствовать у западных, а должны установиться на новых началах. Наша сестра милосердия не должна быть православной монахиней. Она должна быть женщиной с практическим рассудком и с хорошим техническим образованием, а при том она непременно должна сохранить чувствительное сердце» [16]. Основные функциональные обязанности сестер милосердия, по мнению Пирогова, должны сводиться к помощи больным и раненым, выходить на аспекты

исключительно нравственные и профессиональные. «Если же мы вздумали бы вводить в наших общинах формально-религиозное направление, то ... мы получим женских Тартюфов». «Женщина своего времени» должна быть в меру цинична, хладнокровна и с горячим сердцем [17]. Эти рассуждения предвосхитили идеи Анри Дюнана, основателя Общества Красного Креста, которое действовало на основе именно общегуманных и патриотических, а не религиозных ценностей: «Я сам клонюсь более в сторону нравственно-филантропического направления и думаю, что оно более соответствует духу и потребности нашего времени» [18].

Специфика деятельности сестер, особенности образа жизни и условий пребывания в общине напрямую связаны с мотивами вступления в ряды сестер. Парадоксально, что понятие «сестра милосердия», «община» изначально стали некими анахронизмами, которые лишь семантически отсылали нас к историческому значению слов и явлений, а на практике не имели прямой связи с реальностью, за исключением, может быть, самой символики: одеяния и др. атрибутов принадлежности. Нравственные порывы, служение, альтуизм, конечно, имели свое выражения в работе сестер. Но мирское дело предполагает вполне мирские основания для его исполнения. И наряду с истинными служительницами, наличие которых, как нам кажется, так же не всегда очевидно, были женщины с вполне материальными и даже корыстными установками, проявление которых мы можем отыскать как в деле милосердного служения, так и любой иной сфере деятельности.

Мы видим, что по многим параметрам мозаика образа сестры милосердия, а следовательно, самой общины, не складывались в однозначную картину. В основе деятельности общин сестер милосердия лежали три неравноправных элемента: духовно-православный, нравственно-филантропический, практико-ориентированный (профессиональный). Последний мы считаем системообразующим. К началу XX в. общины стали фактически средними медицинскими учреждениями. По сути, как общине, так и испытуемой было одинаково неважна степень нравственных оснований для надления/обретения статуса сестры милосердия. Бескорыстие и жертвенность далеко не всегда являлись главными мотивами в работе сестер милосердия. В этом отношении справедливо разводить понятия «служение» и «работа». Именно во втором варианте институт сестричества начал формироваться в рассматриваемый период.

Примечание:

1. Илинский, П. А. Русская женщина в войну 1877–1878: Очерк деятельности сестер милосердия, фельдшерки и женщин-врачей [Текст] / П. А. Илинский. – СПб. : Типография П.И. Шмидта, 1879; Карпычева, Л. А. Церковь и благотворительность [Электронный ресурс] / Л. А. Карпычева // Режим доступа: <http://bb.lfond.spb.ru/Files/Catalog/karpycheva1896.pdf>; Постернак, А. В. История общин сестер милосердия [Электронный ресурс] / А. В. Постернак // Режим доступа: http://bb.lfond.spb.ru/Files/Catalog/posternak_939.pdf; Козловцева Е. Н. Московские общины сестер милосердия во второй половине XIX - начале XX вв. [Текст] : дисс. ... канд. истор. наук / Е. Н. Козловцева. – Москва, 2005. – 196 с.
2. Бураков, Ю. Утоли моя печали [Текст] / Ю. Бураков // Наука и религия. – 1991. – №10,11,12. Черкасова А. Е. Общины сестер милосердия: прошлое, настоящее и будущее [Текст] / А. Е. Черкасова, Л. П. Давыдова // Медицинская сестра. – 2000. – № 1.
3. Романюк, В. П. История сестричества и ухода за больными [Электронный ресурс] / В. П. Романюк, В. А. Лапотников, Я. А. Накатас // Режим доступа: http://www.randd.ru/Miloserdie_2.htm
4. Карпычева Л. А. Церковь и благотворительность [Электронный ресурс] / Л. А. Карпычева // Режим доступа: http://bb.lfond.spb.ru/Files/Catalog/karpycheva_1896.pdf
5. Кунките, М. И. Петербург – “разсадник” сестринского дела в России. К 135-летию основания общины сестер милосердия св. Георгия [Электронный ресурс] / М. И. Кунките //

- Режим доступа: <http://www.omophor.ru/articles/kunkite.1.htm>
6. Благотворительность на Урале. Екатеринбург, 2000. С. 114–116.
  7. Карпычева, Л. А. Кто такие сестры милосердия? [Электронный ресурс] / Л. А. Карпычева // Режим доступа: <http://www.omophor.ru/articles/sistercharity.htm>
  8. Нормальный Устав общины сестры милосердия РОКК. СПб., 1903. С. 15.
  9. ГАПО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 54. Л. 61г.
  10. Нормальный Устав общины сестры милосердия РОКК. СПб., 1903. С. 12.
  11. Там же.
  12. ГАПО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 84. Л. 1-2.
  13. ГАПО. ГАПО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 84. Л. 1-2; Д. 67. Л. 1-3; Д. 68. Л. 1-11; Д. 71. Л. 1-17.
  14. ГАПО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 72. Л. 11-14.
  15. ГАПО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 55. Л. 27.
  16. Пирогов, Н.И. О Крестовоздвиженской общине. Из письма к Э.Ф. Раев. 27.02.1876 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.meduhod.ru/library/Pirogov.zip>
  17. Там же.
  18. Письма Н. И. Пирогова к Е. М. Бакуниной Одесса. 5 августа 1857 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.meduhod.ru/library/Pirogov.zip>

И.В. Побережников
Екатеринбург

УРАЛ В XVIII — XIX ВВ. (ПРИМЕР ФРОНТИРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ)*

Урал на протяжении длительного времени сохранял освоенческий синдром, что выразилось в растянутости колонизационных процессов (заселение, аграрное, промышленное освоение), в частности, применительно к Северному и Южному Уралу; в экстенсивном характере аграрной экономики; в региональных, этнокультурных контрастах и диспропорциях, различной степени заселенности и освоенности территорий; в социально-сословной и этноконфессиональной мозаике и т.п.

Наличие больших массивов слабозаселенных территорий создавало предпосылки для дальнейшего переселения, миграций, разрядки демографического давления в густонаселенных районах. Продолжавшаяся колонизация тормозила переход от экстенсивных к интенсивным методам освоения пространства, закрепляла на длительное время доминирование добывающих отраслей экономики, низкотехнологичные уклады в центре страны, транслировала их на периферию. Освоение новых пространств как ведущий региональный процесс сближало Россию с переселенческими странами, в частности, со странами Нового света [1].

Проявлением фронтирности являлась заметная милитаризация региона, проявлявшаяся в размещении здесь фортификационных сооружений, регулярных воинских частей, поселенных иррегулярных формирований (Яицкое, Оренбургское казачество, Башкиро-мещеряцкое войско), установлении особых военизированных форм администрации (военный губернатор, генерал-губернатор).

Так, в связи с активизацией колонизации Южного Урала в 1734 г. там была сформирована самостоятельная областная единица, в значительной степени ориентированная на военно-колонизационную деятельность, – Оренбургская экспедиция (с 1739 г. – Оренбургская комиссия, с 1744 г. – Оренбургская губерния), подчиненная непосредственно Сенату. С самого момента образования новой губернии в ее управлении существенную роль играл военный элемент [2]. Начальник губернии призван был решать сложный узел военно-политических, административно-управленческих, хозяйственно-экономических проблем освоения Южного Урала и Заволжья, расширения разнообразных связей России с Казахстаном и Средней Азией.

* Статья подготовлена в рамках Государственного контракта 02.740.11.0348 шифр 2009-1.1-301-072 («Социокультурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных эпох»).